

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР
ЯРОСЛАВСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Выпуск VII

А. В. Кошаров

*Тан кто шк кнвчмса
сфрасавкнмш шураскв?*

ЯРОСЛАВЛЬ
ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

- ² Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам//Труды I АС. М., 1869. Т. I; М., 1871. Т. II.
- ³ Городцов В. А. Раскопки у с. Михайловского//Северный край. 1903. № 132; Археологическая экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса//ИАК. СПб., 1903. Вып. 6. С. 85—87.
- ⁴ Дубов И. В., Седых В. П. В. А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия//Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1986. Вып. 4. С. 16—21.
- ⁵ Спицын А. А. Владимирские курганы//ИАК. СПб., 1905. Вып. 15. С. 84—172.
- ⁶ Спицын А. А. Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска//ИАК. СПб., 1904. Вып. 6. С. 74—78.
- ⁷ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.//МИА № 5. М., Л., 1941. С. 51—68, 113—140; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА № 94. М., 1961. С. 62—82.
- ⁸ Пришвин М. М. Календарь природы//Избранное. М., 1977. С. 237—258.
- ⁹ Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Ярославской губернии//Архив ЛОИА АН СССР, ф. I, д. 71.
- ¹⁰ Макаренко Н. Е. Отчет о раскопках в Угличском уезде Ярославской губернии//Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 96.
- ¹¹ Рерих Н. К. Сарское городище//Архив ЛОИА, ф. I, д. 86.
- ¹² Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX—XI столетиях: итоги историографии//Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II. С. 133—140.
- ¹³ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда//Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1868. Вып. IV.
- ¹⁴ Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губ., произведенным в 1878 г.//Антропологическая выставка. 1878—1879. М., 1879. Т. II. С. 306—308; М., 1880. Т. III. Ч. I. С. 53—68.
- ¹⁵ Ушаков Я. А. Раскопки курганов в Угличском уезде, произведенные в 1878 г. М., 1878; Ушаков Я. А. Раскопки в Мышкинском уезде//Труды VIII АС. М., 1890. Т. I.
- ¹⁶ Тихомиров И. А. Отчеты о раскопках Михайловских курганов//Архив ЛОИА АН СССР, ф. I, д. 2; д. 187; Тихомиров И. А. Отчет о раскопках Михайловских курганов в 1897 и 1898 гг. ОПИ ГИМ, ф. 99, д. 42.
- ¹⁷ Тихомиров И. А. Ярославское зодчество//Ярославль в его прошлом и настоящем. Исторический очерк-путеводитель. Ярославль, 1913. С. 50—51.
- ¹⁸ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в Ярославской губ. и с. Михайловское//Извлечение из Ярославских губернских ведомостей, 1898.
- ¹⁹ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках курганных кладбищ под деревней Большое Тимерево и Гончарово 1900 г.//Архив ЛОИА АН СССР, д. 71.
- ²⁰ См.: Труды ЯГУАК. Кн. III. Ярославль, 1900. Вып. I. С. 89, 136, 143, 148, 153—154, 226 и др.
- ²¹ Тихомиров И. А. Дневник раскопок, произведенных в Угличском уезде на Греховом ручье//Архив ЛОИА, д. 82.
- ²² Недошвина Н. Г. Михайловский могильник//Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 24.

²³ Эта карта хранится в научной библиотеке Ярославского историко-архитектурного музей-заповедника.

²⁴ Тихомиров И. А. Дневник раскопок..., д. 82, л. 22.

²⁵ Фехнер М. В. Отчет о раскопках в Угличском районе Ярославской области//Архив ИА АН СССР, Р-1, 1143—1143А, 1955 г.; Мальм В. А. Курганный могильник близ Грехова ручья//Археологический сборник/Труды ГИМ, 1960. Вып. 37. С. 167—174; Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 124—125.

²⁶ Тихомиров И. А. Дневник раскопок... л. 22.

²⁷ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы?//Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903. Ч. I. С. 87—248; Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. Ч. II. С. 1—98.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 33—45.

³⁰ Фехнер М. В. Тимереvский могильник//Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 17.

³¹ Тихомиров И. А. Кто насыпал... С. 96.

³² Тихомиров И. А. Славянские городища//Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 114—169.

³³ Тихомиров И. А. Отчет..., д. № 52, л. 40.

³⁴ Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле//Труды Тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1904. С. 1—24.

³⁵ Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии//Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. 1—169.

³⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 167; Спицын А. А. К истории заселения Верховного Поволжья русскими//Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь, 1906. С. 1—7.

³⁷ Спицын А. А. Владимирские курганы... С. 135.

³⁸ Тихомиров И. А. Евчаковское курганное кладбище (отчет о раскопках 1929 г.)//Архив ЛОИА, д. 223; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник.

³⁹ Там же. С. 7.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ

ТАК КТО ЖЕ НАСЫПАЛ ЯРОСЛАВСКИЕ КУРГАНЫ?

Казалось бы, что за проблема? Ведь вопросительный знак в заглавии И. А. Тихомиров поставил еще 80 лет назад. В докладах на II и III областных археологических съездах исследователь впервые попытался раскрыть проблему этнической принадлежности населения, оставившего известные курганы Ти-

меревского, Михайловского и Петровского могильников. Эти сохранившиеся до наших дней группы являются основным источником сведений о погребальном обряде «Ярославского угла» Верхней Волги в IX—начале XI вв. Концепция И. А. Тихомирова соответствовала своему времени. Эпоху курганов он отнес к периоду конца VIII—начала XI вв., обычай погребения в курганах связывал с появлением скандинавских колонистов в среде древнерусских поселенцев. Были отмечены финские (мерянские) элементы в инвентаре погребений¹.

Дальнейшее изучение погребальных древностей было продолжено Я. В. Станкевич, М. В. Фехнер, Н. Г. Недошивиной, В. А. Малым, И. В. Дубовым. Материалы некрополей широко привлекаются многими исследователями при решении вопросов ранней истории Северо-Восточной Руси.

Расширение круга источников позволило уточнить долгое время оставшуюся неизменной точку зрения И. А. Тихомирова. Современная интерпретация курганных материалов в наиболее полном виде изложена в работах М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной с одной стороны и И. В. Дубова с другой. Разногласия исследователей проявляются в основном в подходе к датировке могильников, оценке динамики его развития и интерпретации некоторых особенностей погребальной обрядности*.

В статьях М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной обоснована более «короткая» хронология курганных древностей: вторая половина IX—начало XI вв.² И. В. Дубов в своих взглядах более традиционен и считает возможным предполагать функционирование Тимеревского могильника по крайней мере на протяжении всего IX столетия³.

При существующих разногласиях в подходе к датировке памятников, исследователи едины в одном — курганы оставлены разноэтничным по составу населением, среди которого были финны, скандинавы, славяне, развивая, таким образом, точку зрения И. А. Тихомирова.

Этническая диагностика основана на отмеченном исследователями разнообразии погребальной обрядности (трупосожжения на месте и на стороне, погребения в камерах, возможные остатки деревянных сооружений, каменные обкладки и т. д.), разнообразии погребального инвентаря, включавшего разные по происхождению предметы, наличии в некоторых захоронениях таких специфических вещей, как глиняные лапы и кольца, а также разнообразии форм керамики. Таким образом, все традиционные археологиче-

ские критерии подтверждают справедливость вывода: курганы оставлены этнически неоднородным населением.

На основе материалов наиболее изученного Тимеревского некрополя были получены некоторые вероятностные оценки количественного соотношения захоронений представителей разных этнических групп. По мнению М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной, к числу скандинавских из числа поддающихся определению можно отнести 64 погребения в 53 курганах, финских 135 в 124 курганах, славянских около 57⁴. И. В. Дубов количественных данных не приводит, однако, судя по использованному им тем же критериям для доказательства смешанности населения, оценка, видимо, должна быть схожей, т. к. в характеристике этнического состава жителей Тимерева упомянуты те же этнические группы⁵, с разделением финнов на северо-западных (?) и местных (мерю).

Выводы, на первый взгляд, бесспорны. Однако в сопоставлении с другими данными по тем же тимеревским курганам, полученная картина заставляет задуматься. В число наиболее богатых комплексов попадают только финские и скандинавские⁶. То же, что вполне естественно, получается с подавляющим большинством дружинных захоронений (погребения с оружием). Славянские курганы по численности уступают совокупности скандинавских и финских. Следовательно, и число славян на поселении было относительно невелико, а их социальное положение отнюдь не было высоким.

Число постоянных жителей Тимеревского поселка по вполне объективной и проверенной формуле определяется в 113—130 человек⁷. При столь небольшой по численности популяции и неизбежных смешанных браках и славяне и скандинавы неизбежно должны были раствориться среди финнов. По данным этнографии этот процесс обычно проходит на протяжении жизни двух поколений. Но такой вывод противоречит исторической действительности, да и не подтверждается материалами памятника: поздние погребения — обычные древнерусские труположения. Славянское начало явно возобладало: все 57 относимых к славянским погребений датируются второй половиной X — началом XI вв. Очевидно, в этнической диагностике скрыта ошибка. Обратимся к конкретному материалу.

Наиболее ясно выделяются скандинавские захоронения. О них можно судить по выразительным предметам убранства скандинавского происхождения, характерным формам оружия (аргументы, привлекавшиеся И. А. Тихомировым, остаются в силе), применению камней в подкурганных конструкциях, захоронению в камерах.

К числу определяющих финских элементов относят такие ритуальные предметы, как глиняные лапы и кольца, костяные копоушки, подковообразные фибулы, подвески из астрагалов бобра,

* В данном случае мы не касаемся другой, более общей проблемы места в роли Тимеревского, Михайловского и Петровского поселений в истории Ярославского Поволжья, также являющейся дискуссионной.

наконечники стрел без упора, в обряде — меридиональное расположение кострищ и, по И. В. Дубову, сожженные «домики мертвых»⁸.

Что касается захоронений славян, то их примечательной чертой является как раз отсутствие каких-либо ярких признаков. К их числу отнесены малоинвентарные трупосожжения, в которых отсутствуют перечисленные выше предметы прибалтийско-скандинавско-финского происхождения и поздние труположения с характерной для Руси западной ориентировкой. По сути дела, такое определение априорно, т. к. группа определена «методом исключения» — в нее вошли те курганы, которые невозможно отнести к первым двум группам.

Нечеткость выделения одной группы вызывает сомнения в объективности оценок других. На наш взгляд, преувеличенной кажется роль финского компонента. Строго говоря, называть один из возможных этносов финно-уграми или финнами — все равно, что называть другой этнос германцами вместо скандинавов (варягов). Это будет справедливо, но недостаточно конкретно. Исследователи предлагали и уточнения, отмечая как северо-западных финнов (еще подробнее — весь по П. Н. Третьякову) и местных финно-угров — мерю. Первые рассматриваются в числе первооселенцев, вторые вливаются в состав населения в X в.¹⁰ Следует отметить, что приведенные точки зрения в своей основе априорны. Исследователи исходят из вероятного, обусловленного общими закономерностями этнических процессов факта неизбежных контактов разнотнических групп в ходе освоения новых территорий. И уже отталкиваясь от этой идеи, интерпретируют археологический материал, выделяя возможные финно-угорские черты погребальной обрядности и инвентаря.

Однако сам обряд захоронения под курганный насыпь не является собственно финским. Его нет ни у волжских финнов — мери, муромы, мордвы, для которых характерны грунтовые могильники, ни у западно-финских племен, включая суоми, у которых курганы появляются лишь под влиянием соседних шведов (Аландские острова). Точно так же надмогильные насыпи на финно-угорской территории Восточной Европы появляются лишь под влиянием славян. Поэтому выделение финских захоронений в Ярославских курганах отнюдь не бесспорно. Так, далеко не однозначны для этнических определений также приписываемые ярославским финно-уграм черты обряда, как меридиональная ориентировка кострищ и остатки деревянных или каменных конструкций в курганах.

Свойственным финнам или финно-уграм элементом обрядности считаются глиняные лапы и кольца, сопровождавшие 20,8% погребений по обряду кремации в Тимеревском могильнике. Есть

они и в Михайловских и Петровских курганах, а также в целом ряде других курганных групп под Ростовом, Переславлем и Суздалем. Это очень важные этноопределяющие элементы, оттеняющие специфику погребального обряда даже в том случае, если остатки кремации не сопровождалась инвентарем. По поводу лап было высказано много точек зрения. Одни считали их принадлежавшими местным финским племенам — мере, другие — северо-западным финнам¹¹. Никто из исследователей не считал, однако, возможным связать их появление со славянами. Здесь важно вспомнить, что помимо Северо-Восточной Руси глиняные лапы (без колец) найдены также в курганах Аландских островов, причем некоторые погребения там датировались значительно более ранним временем — VII в.¹² Это обстоятельство и позволило предполагать принадлежность некоторых захоронений в Ярославском Поволжье выходцам из западно-финской среды. Но даже при таком, казалось бы, логичном выводе трудно было обосновать тот факт, что количество находок на Руси при более широкой их географии значительно превышало число известных на Аландах: 113 против 67, не считая 56 случаев находок колец. Сейчас датировка аландских лап пересмотрена: они относятся к тому же времени, что и древнерусские (IX—X вв.). Это меняет картину, и при отмеченном неравенстве серий находок, присутствии дополнительного элемента похоронного ритуала — глиняных колец — центром если не возникновения, то наибольшего распространения обрядности следует считать Северо-Восточную Русь. Но каким образом тогда объяснить появление лап на Аландских островах? К тому же единичные находки известны также в верховьях Волги близ Старицы, в известном могильнике Среднего Поднепровья — Шестовицах, а также в Швеции. Оставим пока вопрос без ответа и вернемся к нему позднее.

Что касается предположения о местной, мерянской природе глиняных муляжей, то это чисто умозрительное заключение, основанное на отсутствии подобного ритуала в массе древнерусских курганов IX—XI вв. Однако ничего похожего нет и у поволжских финнов, которым, судя по обильному инвентарю грунтовых могильников, вообще была чужда идея каких-либо имитаций.

Другие предметы погребального инвентаря, считающиеся финскими, или не имеют определенной этнической специфики (астргалы бобра, наконечники стрел), или различны по своему происхождению. Так, некоторые подковообразные фибулы могут быть западно-финскими. Немногочисленные шумящие украшения из Тимерева и Михайловского могли принадлежать поволжским финнам, в частности, мере. Плоские костяные копоушки по своему происхождению связаны с Прикамьем и относятся к совсем иному кругу древностей. В X в. эти вещицы получили распространение

и в русских землях: известны находки на широкой территории от Рязани до Старой Ладogi. Но они довольно быстро исчезли из обихода, и едва ли их появление можно связывать с какой-то особой группой населения. Столь же разнообразна и финская керамика ярославских курганов, аналогии которой есть и в Приладожье, и в Прикамье¹³.

Таким образом, финно-угорские элементы ярославских курганов не составляют единства, и права Л. И. Смирнова, отмечая, что «мы можем говорить лишь о сложном составе финно-угорского населения, хоронившего своих покойников в Тимеревских курганах... но не вправе связывать его ни с мерей, ни с весью, ни с еще какой-либо другой определенной группой»¹⁴. Если быть более точным — речь может идти лишь о разрозненных элементах финно-угорского происхождения в погребальном инвентаре и, возможно, деталях погребального обряда, не связанных общей традицией. В такой ситуации невозможно выделить погребения, которые могли бы принадлежать представителям определенной этнической группы финно-угров, а общая характеристика некоторых захоронений как «финских» или «финно-угорских» не имеет смысла, так как не раскрывает историческую реальность.

Очевидно, пестрота инвентаря и различия в деталях обрядности не соответствуют этническому разнообразию населения. Бесспорно, часть курганов — скандинавские — слишком ярки их этноопределяющие черты. Остальные — древнерусские, что предполагает славянский приоритет среди населения.

Этот вывод с точки зрения археологии алогичен, необоснован — нет в курганах осязательного «славянского комплекса». Но не следует забывать, что такой «комплекс» в чистом виде в памятниках Северо-Востока IX—X вв. вообще не существует. Тем не менее славянская основа древнерусского населения в доказательствах и пояснениях не нуждается.

Разнообразие погребальных комплексов отражает историческую специфику IX—начала XI вв. — начавшееся освоение Северо-Востока, совпавшее со становлением государства и ломкой прежнего племенного единства. Во все эпохи подобные процессы вели к изменению ранее сложившихся этнических стереотипов, начиная от привычных элементов материальной культуры и кончая этническим самосознанием. Именно этот период зафиксировали для нас ярославские курганы. И вполне понятно, что применительно к ним давать этнические определения путем механического перебора прежних признаков невозможно — они «не работают».

В условиях складывания новой этносоциальной общности, а именно к этому вели отмеченные процессы, обычно возникновение новых религиозных культов и обрядов. По нашему мнению именно с такими новациями связано появление в погребениях глиняных

лап и колец. Даже если дальнейшие исследования докажут приоритет Аландов в зарождении этого культа¹⁵, последующее его развитие безусловно было связано с Северо-Восточной Русью. Показательна география находок X в., которые группируются в старейших русских районах — близ Ростова, на Плещеевом озере, около Суздаля. Новая обрядность, несмотря на свое неясное происхождение, явно не связана с локальными и этническими группами прошлого. Вполне возможно, что привлечение наше внимание предметы являются свидетельствами складывающегося на Северо-Востоке своеобразного варианта древнерусской культуры. Некоторые аргументы в пользу такого предположения имеются, однако ясность внесут дальнейшие археологические исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? // Труды II областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903, ч. I. С. 87—248; Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909, ч. II. С. 1—98.

² Ярославское Поволжье X—XI вв. Сб. статей. М., 1963; Фезнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 86.

³ Дубов И. В. Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 114; Дубов И. В. Города, величеством связанные. Л., 1985. С. 88—89 и др.

⁴ Фезнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 87.

⁵ Дубов И. В. Тимеревский комплекс... С. 114—115.

⁶ Фезнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика... С. 87.

⁷ Недошивина Н. Г., Фезнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 114.

⁸ Дубов И. В. «Домики мертвых» Ярославских могильников // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 120—123.

⁹ Трегьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 127.

¹⁰ Дубов И. В. Тимеревский комплекс... С. 115 и др.

¹¹ Дубов И. В. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 95—96.

¹² Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 124. Abb. 949—950. Taf. 106; Kivikoski E. Langångbacken. Ett gravfält på Åland. Helsingfors, 1980.

¹³ Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2. С. 99.

¹⁴ Смирнова Л. И. Лепная керамика... С. 99.

¹⁵ По поводу родины обряда мнения исследователей расходятся. И. В. Дубов высказал также оригинальную мысль о параллельном независимом возникновении сходных култов на Аландских островах и в Ярославском Поволжье. Библиографию см.: Дубов И. В. Глиняные лапы... С. 95—96.

В. Н. СЕДЫХ

И. А. ТИХОМИРОВ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

С именем И. А. Тихомирова связано проявление интереса к ярославским могильникам эпохи раннего средневековья в конце XIX—начале XX вв. Благодаря его широким раскопкам курганов у с. Михайловского (1896—1898 гг.) и у д. Большое Тимерево (1900 г.) материалы этих памятников в качестве самостоятельных исторических источников стали привлекаться для решения различных проблем начальной истории древнерусского государства, в том числе и так называемого «варяжского»¹. Будучи действительными членами Ярославской губернской ученой архивной комиссии, И. А. Тихомиров и В. А. Городцов проводили исследования археологических памятников губернии по плану комиссии и на ее средства². Одним из результатов археологического направления деятельности комиссии стала археологическая карта Ярославской губернии, составленная в 1900 г. И. А. Тихомировым³.

В последующие годы И. А. Тихомиров вел раскопки древнерусских курганных могильников близ Углича (1900 г.), в с. Кузьминское Романовского уезда (1913 г.) и Евчаковского могильника в Тутаевском районе (1929 г.). Большинство дореволюционных раскопок курганов надо признать несовершенными, ибо полное вскрытие насыпей не производилось. Особенности погребального обряда и состав сопровождающего инвентаря восстановить полностью при раскопках траншеями или колодцем было невозможно. О значении раскопок курганов на снос писал в 1898 г. И. А. Тихомиров, указывая, что «раскопки на снос показывают, что в полях курганов остаются вещи при раскопках траншеями»⁴. Лишь немногие исследователи производили раскопки на необходимом методическом уровне. Кроме И. А. Тихомирова и В. А. Городцова в 1912—1913 гг. раскопки курганов на снос «лопатами по пластикам толщиной около двух-трех вершков», а то и «руками» производил Михайловском в Тимеревском могильниках действительный член Петербургского археологического института, преподаватель Ярославского кадетского корпуса подполковник И. М. Новицкий⁵.

Очевидно, что эти методические приемы были усвоены И. М. Новицким в результате непосредственного общения с И. А. Тихомировым в процессе совместных раскопок в предшествующие годы (1908 и 1910 гг.)⁶.

Помимо высокого для того времени уровня методики раскопок, необходимо отметить тщательность и всесторонность описаний, выполненных И. А. Тихомировым в ходе раскопок. Они касались непосредственно объекта исследования (форма, размеры, структура кургана, местоположение погребенных и их остатков, инвентаря и т. д.), его расположения на местности, геологических условий и др. Многие методические наблюдения были сделаны И. А. Тихомировым одним из первых и правильно интерпретированы (например, сезонные различия в ориентировке труположений, пережитки обряда кремации в ингумациях и т. п.). Значительные изменения, происходившие в Ярославском Поволжье в конце X—начале XI вв. и отразившиеся в погребальных памятниках этого времени, И. А. Тихомиров связывал с внедрением христианской религии. «О вымирании старого похоронного обряда и обычая под влиянием христианства свидетельствует и снаряжение покойника. Тогда как остальные низшие слои продолжают класть с мертвым все бывшее нужным для него при жизни, не исключая и пищи, помещаемой в горшок, ставимый с бока мертвого около руки, чтобы можно было достать без затруднения (если два, то один по форме обыкновенный горшок — кашник, другой — банка). Более «передовые представители общества» вместо горшка с пищей кладут около покойника уже лишь один-два черепка да изредка ножик»⁷.

Большое внимание уделял И. А. Тихомиров керамическому производству — древнему и современному ему. В 1902 г. Ярославской губернской ученой архивной комиссией было принято предложение И. А. Тихомирова «...ввиду того интереса, который представляет глиняная посуда кустарной выделки вследствие пережитков глубокой древности как в ее формах, так и в способах ее изготовления и украшения» отпустить незначительную сумму на приобретение для музея комиссии по экземпляру образцов местных глиняных изделий⁸. Одна из его публикаций⁹ была посвящена состоянию горшечного промысла в Ярославской губернии.

Среди керамического материала из курганов у с. Михайловского И. А. Тихомиров различал несколько видов сосудов по составу теста, толщине стенок и обжигу¹⁰. «Все горшки, — писал И. А. Тихомиров, — видимо, употреблялись новые и даже, судя по тому, что все они кривобоки, а ко дну их часто, пристал песок, не обтертый при практике, да и вообще все черепки не носят на себе никаких следов употребления — горшки делались перед самым обрядом и для него специально»¹¹. В целом, роль керамиче-